

Л. Н. Синякова

Новосибирский государственный университет

**Сюжетная структура рассказа Н. С. Лескова «Грабёж»:
жанровая и антропологическая событийность**

Аннотация. Рассматривается сочетание жанров святочного рассказа, новеллы и анекдота в поэтике рассказа Н. С. Лескова «Грабёж». В основу всего рассказа положена сюжетная ситуация «честный вор», однако её развитие в повествовании приводит к нескольким жанровым итогам: святочный рассказ основывается на покаянии в совершённом грехе, новелла выявляет взаимодействие человека и события, анекдот передаёт историю невольного грабежа, а рассказ в целом развёрнут в биографической парадигме, в связи с чем важна функция повествовательной рамки.

The paper considers the combination of genres in the short Christmas story «The robbery» by N. S. Leskov. The basic plot situation in the story is based on the idea of «an honest thief». However, its development in the narration leads to several genre results: the story is based the thief's repentance of the committed sin. The narration reveals the interaction of the man and the event. An anecdote tells about an unintentional robbery. On the whole, the story unfolds as the teller's autobiography. In this case the frame narration is shown to be of importance.

Ключевые слова: сюжетная ситуация, святочный рассказ, новелла, анекдот, рамочное повествование.

Plot generative situation, Christmas story, novella, anecdote, frame narration.

УДК 82-32

Контактная информация: ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090; +7 (383) 363 43 30; scholast@ngs.ru

Сюжетным поводом в рассказе Н. С. Лескова «Грабёж» (1887) стало разорение орловского банка в 1887 г., в котором не обнаружилось явно виноватых: «...и тот был хороший человек, и другой казался хорош, но, однако, все проворовались» [Лесков, 1989, с. 291]¹. Рассказчик, пожилой орловский купец, формулирует сюжетную ситуацию своей истории, апеллируя к коллективному опыту – это выражается в грамматике высказывания, напоминающего пословицу с её значениями результата, следствия или противоположения во второй части сложного предложения: «Ах, господа, как надойдёт воровской час, то и честные люди грабят» (с. 291) (ср.: «надойдёт воровской час – и честные люди грабят»). Затем сле-

---

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

дует отсылка к личному знанию – одно из условий рассказывания, «новеллистическая реплика»: «Я знаю случай, когда честный человек на улице другого человека ограбил» (с. 291) ².

Основная история происходит в Орле в 1830-е гг. Полувековой интервал между рассказанной историей и ситуацией рассказывания реабилитирует «честного вора», ныне почтенного и законопослушного негоцианта. В данном случае важны задающие контрастность рамочной и «внутренней» ситуаций экзистенциалы «был» и «есть». Сюжет транслируемого события имеет свою рамку – предполагаемое сватовство рассказчика. Это означает, в системе ценностей бытовой культуры рассказчика и его окружения (купеческой семьи), правильное течение жизни и соответственно установку на циклический тип сюжета, которому соответствуют жанр рассказа или повести. «Правильное» здесь задаёт исходную ситуацию: «Так прожил я до **девятнадцати лет** и **был здоров** столь ужасно, что со мною стали обмороки и кровь носом ишла ³. Тогда маменька стали подумывать **меня жечь...**» (с. 293) ⁴.

Однако функция рамочной ситуации сватовства в рассказе ослаблена и не продуцирует сюжета, в то время как основная событийность оформлена в новеллистической парадигме. «Неожиданное» аннигилирует «правильное», а анекдот и новелла «поправляют» сюжетную логику рассказа. Сюжетная ситуация «честный вор» порождает новеллу о нечаянном грабеже. Начальный этап рассказывания представляет собой, таким образом, взаимодействие потенциальной истории о сватовстве и анекдота о путанице, в результате которой рассказчик стал грабителем поневоле. Впрочем, путаница между «честным» и «вором» эксплицирована в предваряющем основное происшествие диалоге гостя – дяди рассказчика и хозяев, в котором они рассуждают об орловской полиции:

« – Он (полицмейстер Цыганок. – *Л. С.*) бы лучше чаще обходы посылал.

– <...> Ещё хуже стали грабить. <...> Обход пройдёт, а подлёты ⁵ за ним вслед – и грабят.

– А может быть не подлёты, а сами обходные и грабили.

– Может быть, они и грабили» (с. 305).

Анекдот о «честных ворах» и сюжет о сватовстве инкорпорированы в святочный рассказ (в жанровом содержании которого мотивика сватовства весьма частотна), причём обе жанровые установки сталкиваются в пределах единой начальной сюжетной ситуации и синтагматически смежны: «Подвернулся **вдруг** самый **неожиданный случай**. Сидим мы раз с тётушкой на **Святках**, толкуем что-то **от божества** <...> и **вдруг** замечаем – у наших ворот на улице... стоит **тройка ямских коней**» (с. 295). Жанровые маркёры святочного времени, беседы о божественном и тройки лошадей отсылают к святочному рассказу, а «вдруг» (прозвучавшее дважды) и «неожиданный случай» – к новелле. Так сталкиваются антропологизм рассказа и фабулярность новеллы.

Жанры святочного рассказа и новеллы по-разному трактуют сюжетные функции персонажа-актера. Святочный рассказ предполагает чудесное преобразование человека, моральный вывод (добро побеждает зло) и, конечно, само чудо ⁶.

---

² «Новелла, как правило, изображает определенное стечение обстоятельств, послужившее поводом для рассказывания той или иной истории, и выделяет так или иначе личность рассказчика» [Теория литературных жанров, 2011, с. 58].

³ Автор рассказа наделяет социально маркированного персонажа разговорными формами речи в соответствии с повествовательной формой сказа (см., в частности: [Эйхенбаум, 1987, с. 413]).

⁴ Здесь и далее в цитируемом тексте выделено нами. – *Л. С.*

⁵ Подлёт – орловское просторечное обозначение жулика, мазурика (см. примеч. автора [Лесков, 1989, с. 304]).

⁶ О жанровых признаках святочного рассказа см.: [Душечкина, 1995].

Новелла призвана сказать «новое» о человеке – он более самостоятелен в выборе, причём не обязательно моральном. Новелла может снимать основные институциональные запреты⁷, что и происходит с главным персонажем: «...и напился я тогда с ними в первый раз в жизни пьян... и ехал по улице на извозчике (нарушив местные орловские обычаи не кататься на общественных лошадях. – Л. С.)» (с. 326). Сравним: «А у нас тогда, в Орле, путные люди на извозчиках по городу ещё не ездили. Ездили только какие-нибудь гуляки, а больше извозчики стояли для наёмщиков, которые в Орле за других во все места в солдаты нанимались» (с. 301); «Не ездят на живейнике! Он тебя оберёт, да и с санок долой скинет» (с. 305).

Возвращаясь к тезису о сочетании разных жанровых интенций в анализируемом рассказе, рассмотрим, как новеллистическое содержание основной истории о грабеже коррелирует с двумя обрамляющими её сюжетогенными ситуациями – сватовства и святочного вечера.

Рассказчик и его приехавший из Ельца дядя (задаётся комическая псевдооппозиция двух городов – Ельца и Орла)⁸ отправляются на поиски самого голосистого дьячка для елецкого собора. В Борисоглебской гостинице в обстановке строгой секретности собираются слушать двух претендентов. Святочный ужас вызывают в персонажах завывания сухонького дьячка: «...и как дошёл до “с-о-т-в-о-о-р-р-и им”, так даже весь кадык клубком в горле выпятил и такую завойку взвыл, что ужас стал нападать и дяденька начал креститься и под кровать ноги подсовывать, и я за ним то же самое. А из-под кровати вдруг что-то бац нас по булдажкам, – мы оба вскрикнули и враз на середину комнаты выскочили и трясёмся...» (с. 308). Затем «Павел Миронович (елецкий товарищ дяди. – Л. С.) <...> схватил свечку с огнём, да под кровать, а на свечку что-то дунуло, и под-

---

⁷ Маменька главного персонажа воспроизводит, например, запреты социокультурного плана, свойственные купеческому обиходу: «Маменька <...> строго-настрога наказывали, чтобы и не пил, и по сторонам не смотрел, и никуда не заходил, и поздно не запаздывался» (с. 306). Четырежды повторённое «не» провоцирует отменяющие этот запрет действия (подсознательное игнорирование «не»). В результате запрет без отрицательной частицы воспринимается как директива, побуждающая к противоположному действию.

⁸ Псевдооппозиция в рассказе возникает оттого, что города соревнуются в «лихости» и не столько противопоставляются, сколько сопоставляются. Дядя Иван Леонтьич высказывается по этому поводу: «У вас и город-то не то город, не то пожарище <...> и сами-то вы в нём все как копчущки в коробке заглохли! <...> наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок...» (с. 297); «...неужели... у вас в Орле уже все подряд дураки...» (с. 301). Приведём пример похвалы «лихостью» в беседе тётеньки героя и дяди Ивана Леонтьича: «– На всё у вас в Ельце, видно, своё правило. – А то как же? У вас губернатор правила уставляет, а у нас губернатора нет, – вот мы зато и сами себе даём правило. – Как бить человека? – Да, и как бить человека, есть правила» (с. 304).

Тётенька Катерина Леонтьевна замечает про дарёные Мише серебряные часы с золотым ободком: «Пустяки какие... у них в Ельце выдумывают. Старики умнее в Ельце жили – всё носили одного звания: серебряные часы так серебряные, а золотые так золотые <...> одно с другим совокуплено насильно, что Бог розно по земле рассеял» (с. 302). Дядя рассказчика хвалится: «Который (дьякон. – Л. С.) к нашему елецкому фасону больше потрафит – о том станем хлопотать и к себе его сманим» (с. 304). Затем следует сомнение: «Я вот этих сумерек-то у них в Орле боюсь, а теперь скоро совсем стемнеет. <...> А как ихний орловский подлёт с тебя шубу стащит?» (с. 304), «А у вас в Орле в котором часу настаёт воровской час?» (с. 304). Дядин товарищ Павел Миронович соглашается: «Экий город несурзанный». Дядя подтверждает: «Нет, и вправду, <...> у нас в Ельце лучше» (с. 305). Маменька напутствует Мишу перед прослушиванием дьяконов-кандидатов: «Ты на своего дяденьку Ивана Леонтьевича не очень смотри: они в Ельце все колобродники» (с. 306). Хозяин гостиницы пеняет Павлу Миронычу: «А если грозиться, так я сейчас таких орловских молодцов кликну, что вы ни одного не переломленного ребра домой в Елец не привезёте» (с. 310) и т. п.

свечник из рук вышибло, и лезет оттуда в виде как будто наш купец от Николы, из Мясных рядов» (с. 309). И ещё позже: «Все мы, кроме гостинника, в разные стороны кинулись и твердим одно слово: “Чур нас! Чур!”» (с. 309). Призыв «чур!» устанавливает зону языческой сакральности, коррелирующей с мотивом святочных гаданий и помощи нечистой силы.

Выбежав из гостиницы, где остался Павел Мироныч один на один с неприятелем, дядя с племянником видят, что «снег так и слепит <...> невесть что кажется, будто кто-то со всех сторон вылезает» (с. 310). «...Эта темнота и мокрый снег прямо из комнатного жара да из света точно у меня память отуманили», – признаётся рассказчик (с. 311). Добавим, что изменённое восприятие часто является мотивировкой возникающей в святочном рассказе всякого рода «чертовщины». Однако в данном случае мотивировку можно считать ложной, поскольку из неё вытекает скорее не святочное испытание духа, а анекдотическая подмена честных обывателей – грабителями. Соответственно основным качеством события становится не духовный иску́с, а физическая сноровка и сила. Автор встраивает в эпизод возвращения персонажей с прослушивания вставной фрагмент, назначение которого можно определить как психологическую ретардацию, нагнетающую тревожность персонажей и их готовность к исключительным событиям.

Пробираясь сквозь тьму, рассказчик, вполне в духе страшных святочных рассказов, вспоминает о случае, произошедшем с участием одного из столь удивительно встреченных в гостинице купцов-мясников. Однажды вечером, после всенощной, Миша шел мимо его лавки. Мясник стоял с окровавленным ножом в руке над ещё дрыгающим ногами бычком, в углу дрожал обречённый «телок», «а над парной кровью соловей в клетке яростно свищет, и вдали за Окою гром погромыхивает. Страшно мне стало» (с. 311). «Зачем же ты теперь такую страшность рассказываешь? <...> не надо про страшное», – замечает дядя (с. 312).

Немного погодя на Мишу с Иваном Леонтычем наскочил мнимый грабитель, они же не растерялись, сбили его с ног «и начали... утюжить и по-елецки, и по-орловски» (с. 317). Псевдооппозиция «елецких» и «орловских» снимается – оба персонажа оказываются «лихими» людьми. Отняв у разбойника часы, прокомментировав нападение: «Каковы разбойники! <...> Сами людей грабят, и сами ещё на обе стороны “караул” кричат!» (с. 317), – оба персонажа вернулись домой. По возвращении выяснилось, что часы рассказчика висят на прежнем месте, а он ограбил невинного прохожего. Что касается якобы сорванного с головы дядиного картуза («Мой картуз у Фалеева пятьдесят рублей дан», – жалуется дядя (с. 317), прибегая к анаколупу), то он был «изгаженный у проруби найден» (с. 323), и полиция озаботилась поисками утопленника.

Завершает анекдотический сюжет посещение участка, в котором расположились квартальный – князь Солнцев-Засекин (соответственно мотиву святочного рязания будто не вполне настоящий – и князь не князь)⁹ и полицмейстер Цыганок с говорящей «воровской» фамилией и того же, очевидно, рода деятельности – вспомним цитированные отклики участников истории по поводу орловских «подлётов» и обходчиков или сцену дачи взяток (с. 323–326). Согласно кумулятивной композиции основной истории, полицейская версия события гиперболически дублирует эпизод грабежа: «...там на реке одного человека под лёд спустили; два купца на Полешской площади все оглобли, слуги и лубки повалили; один человек без памяти под корытом найден, да с двоих часы сняли» (с. 322). Затем следуют: третья версия событий, изложенная избитым по ошибке никитским дяконом

---

⁹ «Неужели он правду князь!» – недоумевает дядя (с. 321). Рассказчик отзывается о Засекине исходя из контраста родовых и личных заслуг: «Роду был знаменитого, а талану неважного» (с. 321).

(с. 324), четвёртая версия – «гостинника» (хозяина гостиницы) и елецкого гостя, Павла Мироныча, и, наконец, ещё одна, в которой главным носителем события является «чёрный дьякон». Причём оказывается, что у всех троих последних персонажей были действительно украдены часы – на этот раз настоящими ворами.

Рассказ возвращается к ситуации сватовства и заканчивается счастливо: рассказчик отправился в Мценск грехи замолить (как-никак с дьякона часы снял!) вместе с благочестивой девицей Алёнушкой, на которой после и женился. Вывод рассказчика и конец всего рассказа возвращает к рамочной ситуации 1887 г. и выражен стихом из 118 псалма: «Благословен еси, Господи!» (с. 328). Таким образом, рассказ заканчивается в традиционной святочной парадигме. Даже комические проступки приводят к вполне серьёзному искуплению: «Я... отпросился у маменьки к Николе, чтобы душу свою исцелить» (с. 328). Этическое задание здесь сопряжено с антропологическим посредством концепта «душа» и сводит воедино сюжетку и антропологию.

Новеллистическая составляющая рассказа в антропологическом измерении укладывается в формулу «честный вор», подразумевающую нечаянное преступление. Расставивший всё на свои места пуант ведёт к новому пониманию рассказчиком степени своей свободы, правда, сопряжённой с сопротивлением семейства: «Для меня же настало испытанье ужасное. <...> Унылость во всём доме стала повсеместная» (с. 326).

Антропологическая событийность в рассказе связана с отодвинутым на сюжетную периферию святочным жанром: это грех, вернее, череда мелких и более серьёзных грехов в основной истории, и его искупление, происходящее уже на другом сюжетном уровне – уровне внутренней рамки. Сюжетное время определяется святочным вечером и ночью, в свою очередь обуславливающими «чудесные» превращения ведущих персонажей из честных горожан в грабителей и затем снова в честных горожан. Жанровый компонент преобразования подтверждается и финалом рассказа: чудесным, связанным с богомольем, сватовством рассказчика.

Таким образом, в рассказе Н. С. Лескова «Грабёж» вычленяется экзистенциальный смысл событий, релевантный святочному жанру. Прежде всего, это проблема выбора добра или отклонения от него. Новеллистический канон также содержит тематический блок выбора судьбы, но в аспекте удачи – неудачи личного деяния. Экзистенциальный код «встречается» в сюжете рассказа с новеллистическим – персональным. В антропологическом прочтении это означает следующее: человек сам творит свою судьбу, однако чрезмерная самостоятельность уводит его от «правильного», одобренного духовным единоначалием Церкви, пути. Отсюда псалом как финал рассказа. Раскаяние необходимо, потому что оно означает воссоединение с традицией. Так и человек может быть целостен (концепт «душа» «достраивает» незавершенного человека, точнее, концепт-схему «человек») не как обособленный персонаж, а как живущая в согласии с народно-христианским кодексом личность.

Список литературы

- Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 256 с.
- Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 5.
- Теория литературных жанров: Учеб. пособие / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2011. 256 с.
- Эйхенбаум Б. М.* Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. С. 409–426.